

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 903.05

И.В. Ковтун

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЕЛУНИНСКИХ И СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИХ БРОНЗ

Согласно двукомпонентной модели сейминско-турбинского транскультурного феномена, обоснованной Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, а позднее детализированной С.В. Студзицкой и С.В. Кузьминых появление елунических, а равно сейминско-турбинских бронз стало результатом синтеза восточных влияний с новой бронзолитейной технологией [17, 18, 15].

Авторы идеи выделяют два взаимодействующих, но самостоятельных иконографических комплекса, алтайский и байкальский, и два соответствующих им исходных компонента, алтайский и саянский. Слияние этих субстратов в лесостепных предгорьях к северу от Алтая, по мнению Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых и С.В. Студзицкой привело к формированию однородной, исходной сейминско-турбинской культуры [15, 18]. Бронзолитейные новации исследователи связывают с алтайским компонентом.

Авторы указывают на два принципиально новых технологических приема, изобретателями которых, по их мнению, являлись алтайские группы сейминско-турбинских коневодов-металлургов. Это технология тонкостенного литья изделий со «слепой» втулкой, основанная на применении фиксированного сердечника [15-18], и прием упрочнения орудий и оружия «ребром жесткости» [15, 18].

Тезис о сейминско-турбинском происхождении этих прогрессивных технологий сопоставляется с материалами елунической культуры, а также с

могильниками Усть-Буконь и Канай [18]. Но для бронзовых изделий сейминско-турбинского типа, найденных в елунических погребениях (Елунино I, Цыганкова Сопка 2), характерен только один из двух упомянутых приемов.

Идея упрочнения изделия «ребрами жесткости» воплощена в конструкции ножей с тавровидным утолщением рукояти и выгнутообушковым утолщением соответствующей грани клинка (табл. 1, 1-7).

Генерация данного технологического приема могла состояться в елунической культурной среде. Это подтверждается находками из могильников Елунино I, Цыганкова Сопка 2 и Телеутский Взвоз I [4, 5, 6], а также морфологически показательными фрагментами ножа и ножа-кинжала (?) с поселения Березовая Лука [9] (табл. 1, 1-3, 5-7).

Однако для алтайской серии втульчатых изделий сейминско-турбинского типа проблема культурной принадлежности остается открытой. Топоры-кельты и наконечники копий, составляют самые массовые категории сейминско-турбинских бронз. Но на территории Алтая и Восточного Казахстана они известны только в качестве случайных находок. Эти изделия демонстрируют комбинацию обоих технологических приемов, совмещая тонкостенность «слепой» втулки с различными модификациями продольного «ребра жесткости».

Сочетание рассматриваемых

технологических новшеств отражает достаточно развитое состояние сейминско-турбинской металлургии. Поэтому, единичные (Телеутский Взвоз I) и морфологически невыразительные (Березовая Лука) находки втульчатых предметов в елунических комплексах (табл. 1, 8, 9) несопоставимы с алтайскими втульчатыми изделиями сейминско-турбинского облика. Пока сложно судить о культурном своеобразии местонахождения Калантырь 11, давшего литейную форму наконечника втульчатого копья [5, 7].

Возможно, этот стационарно не исследованный комплекс синстадиален елуническим материалам. Но для аргументации елунической принадлежности алтайских и восточно-казахстанских топоров-кельтов и наконечников копий сейминско-турбинского типа, необходимы более веские доводы.

К их числу исследователи елунических древностей относят бронзовый втульчатый наконечник стрелы из могильника Телеутский Взвоз I [8] (табл. 1, 9). Авторы полагают, что он напоминает копье сейминско-турбинского типа [5], имеет сходный с ним принцип крепления к древку, а по технологии изготовления, форме, орнаменту пера, тонкостенному литью, и втулке, данный наконечник демонстрирует сейминско-турбинские бронзолитейные традиции [3, 6].

Поэтому исследователи квалифицируют это уникальное изделие как «наконечник стрелы сейминско-турбинского ти-

па» [3, 6]. Необходимо заметить, что подобного типа бронзовых наконечников стрел просто не существует. Металлические наконечники стрел вообще не характерны для сейминско-турбинского вооружения [18]. Но если такой тип все-таки выделяется авторами вышеуказанных публикаций, то он представлен всего одним экземпляром.

Орнаментальные параллели рельефному декору наконечника из Телеутского Взвоза I охватывают слишком неоднородный круг источников, чтобы служить достоверным культурно-хронологическим индикатором. «Елочный» орнамент, правда, на черешковых наконечниках стрел известен как в Синташте II [2], так и на втульчатых наконечниках, найденных в сопредельных с Алтаем районах и датированных последними веками II тыс. до н.э., и позднее [1, 6].

Другое дело, форма пера рассматриваемого изделия. Замечание Ю.Ф. Кирюшина о сходстве с сейминско-турбинскими копьями небезосновательно, но чрезмерно обобщено.

Строго говоря, конфигурация подавляющего большинства сейминско-турбинских копий не имеет ничего общего с формой пера наконечника стрелы из Телеутского Взвоза I.

Параметрически аналогичную, правильную эллипсоидную форму с едва заметным удлинением острия, имеют только пять наконечников копий сейминско-турбинского типа, четыре из которых происходят из Турбино I, а еще один редуцированный или «псевдовильчатый» (?) экземпляр найден в Горном Алтае (табл. 2, 2-6).

Если последнее соответствие теоретически объяснимо, то турбинские параллели ожидает развернутый комментарий.

Однако, в данном случае не менее примечателен другой факт. Помимо втульчатого наконечника стрелы, в Телеутском Взвозе I обнаружено еще не-

сколько относительно крупных бронзовых изделий: два ножа, обломок ножа и пластина ножевидной формы [6] (табл. 3, 2-5).

Технология изготовления и уровень технического исполнения перечисленных предметов крайне невыразительны. На их фоне бронзовый наконечник стрелы явно диссонирует, отличаясь от этой серии изделий не только мастерством исполнения, но и технологически выверенным совершенством форм (табл. 3, 1). Такой разительный

контраст, безусловно, не случаен и может объясняться привнесением уже готового изделия в елунинскую культурную среду.

Таким образом, сопряженность елунинских древностей с истоками сейминско-турбинской металлургии обоснована лишь отчасти.

Происхождение идеи «ребра жесткости» можно ассоциировать с елунинским комплексом, а технологию тонкостенного литья, скорее всего, нет.

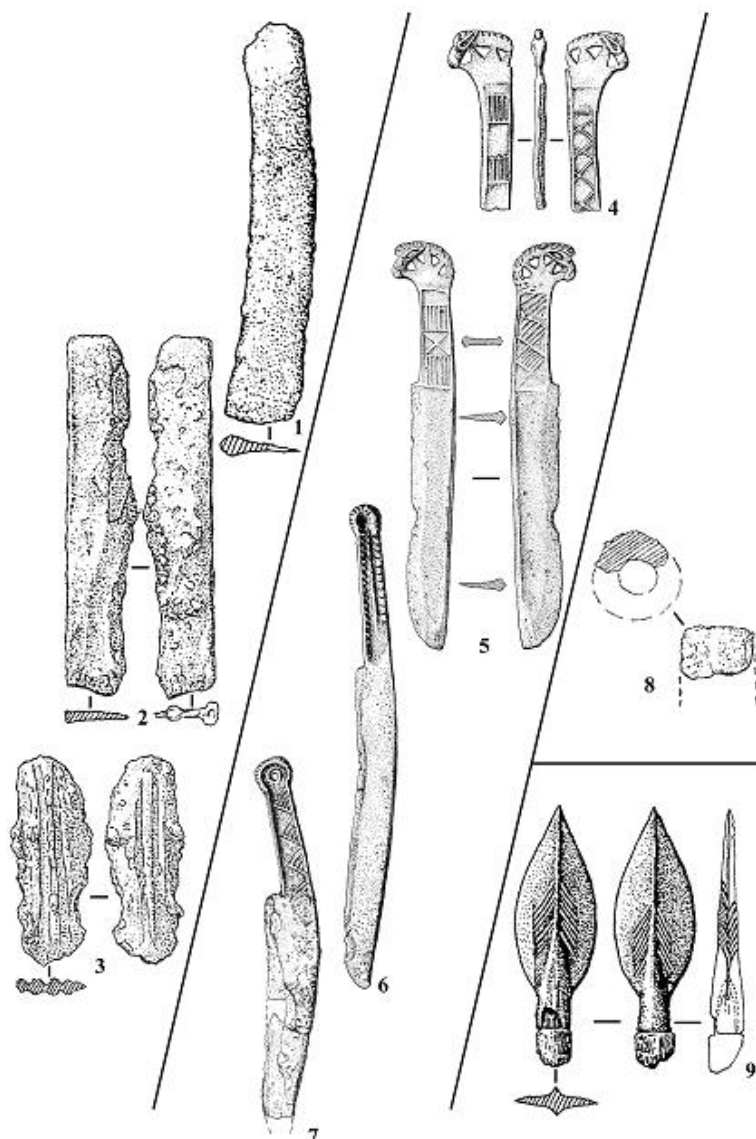

Таблица 1. Бронзовые ножи из елунинских комплексов с выгнуто-обушковым, дуэтаровым и комбинированными «ребрами жесткости». Втульчатое изделие с нервюрой и фрагмент втулки. 1,9 - Телеутский Взвоз I; 2,3,8 - Березовая Лука; 4-Усть-Мута; 5-Елунино I; 6,7-Цыганкова Сопка 2; (по Грушину, Кирееву, Кирюшину, Кудрявцеву, Тишкину)

В отличие от Ростовки, Сеймы и Турбино II, в отдельно взятых елунинских памятниках отсутствуют все составляющие сейминско-турбинской «княжеской триады», включающей выгнутообушковый нож или кинжал, копьё и топор-кельт. В этом наборе, символизирующем сейминско-турбинский феномен, отражено сосуществование обоих технологических индикаторов одноименной металлургической традиции.

Но на территории Алтая бронзолитейные новации, давшие начало сейминско-турбинской металлургии, не связаны общими местонахождениями.

Втульчатые и пластинчатые виды бронзовых изделий зафиксированы в разных комплексах. Рассмотренные выше «исключения» (Телеутский Взвоз I, Березовая Лука), либо попали к елунинцам в качестве готового изделия (табл. 1, 9), либо слишком фрагментарны (табл. 1, 8) для квалифицированного суждения.

Таким образом, в погребальных памятниках зафиксированы, главным образом, изделия с выгнутообушковым и двутавровым «ребром жесткости», а находки сделанные вне комплексов, в основном, представлены втульчатыми образцами сейминско-турбинского тонкостенного литья.

Теоретически данные виды бронзовых изделий объединяет принцип «ребра жесткости». Эта идея реализована и в конструкции выгнутообушковых ножей, и при изготовлении наконечников копий и топоров-кельтов. Однако, это не только абсолютно разные вещи, но и морфологически различные «ребра жесткости»:

- выгнутообушковое, а также двутавровое «ребро жесткости» представляющее собой утолщение одной грани клинка [18] и двух граней рукояти выгнутообушковых ножей сейминско-турбинского, а позднее, производных от него типов;

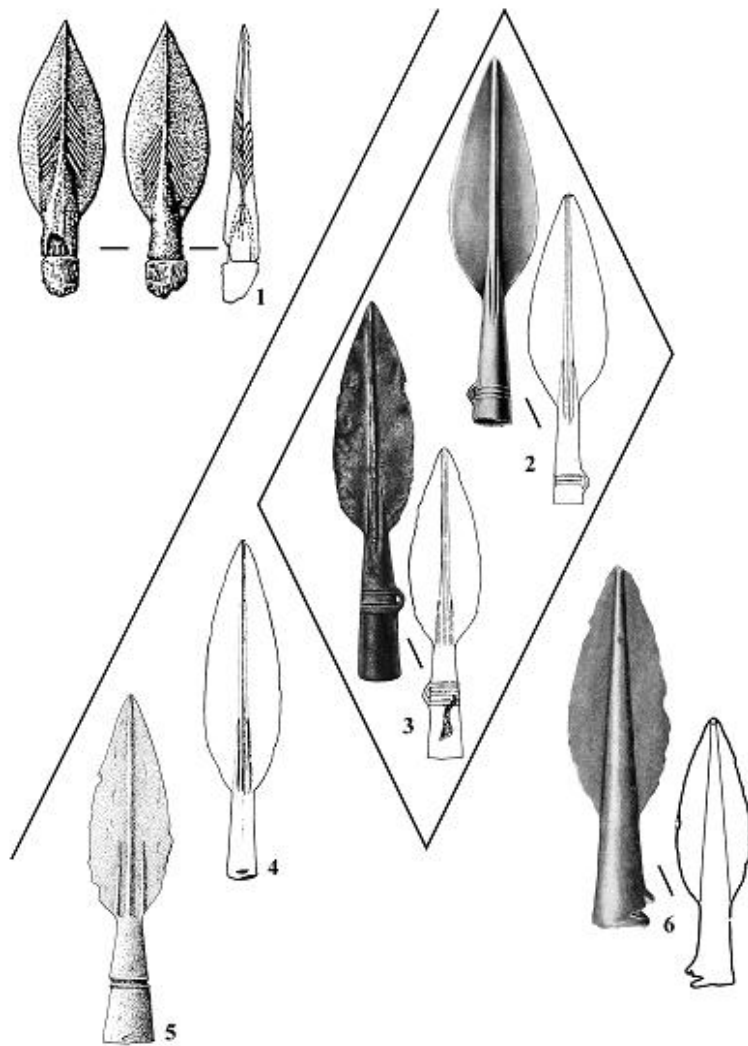

Таблица 2. Наконечник стрелы «псевдосейминско-турбинского типа» и его параллели (по форме пера). 1 - Телеутский Взвоз I; 2-4, 6 - Турбино I; 5 - с. Соузга, Республика Алтай (по Бадеру, Грушину, Кирюшину, Кузьминых, Тишкину, Черных)

- продольное ребро жесткости – нервюра, сформованная по центральной оси клинков кинжалов или двулезвийных ножей, а также перьев наконечников копий. Сюда же условно отнесены наконечники с вильчатым стержнем пера, признаваемые «важнейшим индикатором металлообработки сейминско-турбинского типа» [18];

- боковые грани – гребни, выполняющие функцию «ребер жесткости» на сейминско-турбинских кельтах [18]

Как уже отмечалось, есть все основания считать «ребро жесткости» выгнутообушковых ножей изобретением елунинских металлургов. Контексту-

ально близкого мнения, судя по всему, придерживаются и другие исследователи [6, 18].

Продольная нервюра на клинках двулезвийных ножей и кинжалов, вероятно, заимствована сейминско-турбинской традицией из очагов металлообработки, связанных со срубной, андроновской, абашевской общностями и другими культурами [18].

Как полагает П.М. Кожин: «Обоюдоострый кинжал с ромбической нервюрой, с пером с закрепленной втулкой (? – И.К.) стал прототипом для последующих цельнолитых копий» [10]. Не совсем ясно, о втулке какого оружия идет речь. Воз-

можно, автор подразумевает и кинжал, и «составные» части наконечника копья одновременно? В любом случае, нервюра, скорее всего, была «перенесена» с клинков кинжалов или двулезвийных ножей на перья наконечников копий, а не наоборот.

Особую разновидность «ребра жесткости» представляет вильчатый стержень сейминско-турбинских копий. Однако, не все исследователи считают его таковым.

Так, согласно заключению П.М. Кожина, «наличие вилки уменьшает прочность копья, которое сгибается или ломается на уровне вилки» [10].

Думается, предполагаемая причина не обуславливает фатальной неизбежности следствия. Копья ломались, но «вилка» здесь не при чем.

В авторской трактовке, вильчатый стержень – это не «ребро жесткости», а рудиментарный элемент, произошедший от «стыковки» изготовленных отдельно втулки и пера будущего наконечника копья [10].

Эту версию также невозможно принять хотя бы ввиду отсутствия «составных» образцов подобного оружия.

К числу вероятных протоформ (?) вильчатого «ребра жесткости» предположительно возможно отнести тройную продольную нервюру на клинке ножа-кинжала (?) с поселения Березовая Лука (табл. 4, 1).

Во всяком случае, здесь использован схожий принцип упрочнения рабочей части изделия не одним, а несколькими параллельными «ребрами жесткости», включая и близкое к двуглавному утолщение обеих граней клинка (табл. 4, 1).

Небезынтересно, что принципиально подобным (?) «трехреберчатым стержнем пера» отличаются наконечники т.н. «псевдовильчатых» копий (табл. 4, 2-4). Изделия такого типа реконструированы по литейным формам с поселения

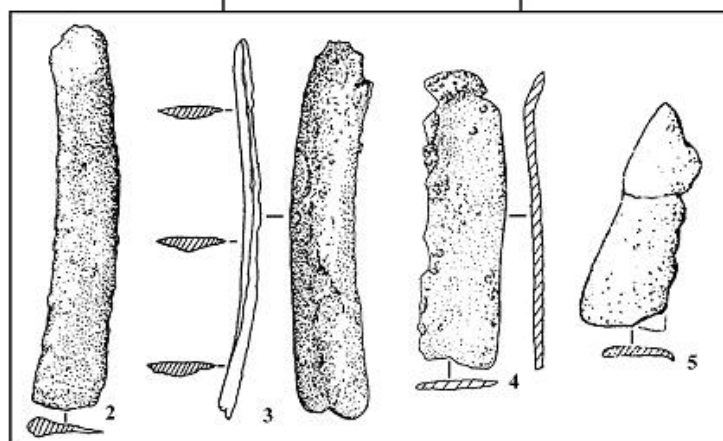
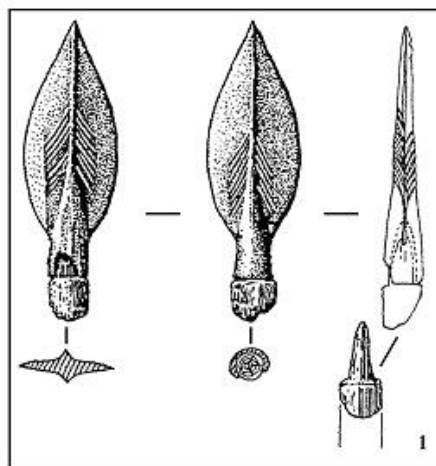

Таблица 3. Различные изделия бронзолитейного производства из могильника Телеутский Взвоз I. 1 - 5 - Телеутский Взвоз I (по Грушину, Кирюшину, Тишкину)

Самусь IV [11, 13] и, как считают Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, с поселения Крохалевка I [18].

Правда, на литейной форме крохалевского наконечника присутствует не один трехреберчатый стержень, а по три или четыре продольных валика на каждой плоскости изделия [14].

Но, возможно, эти валики, расположенные параллельно граням пера (табл. 4, 5) выполняли не только декоративную, но и конструктивную функцию, повышая прочность плоскостей наконечника копья.

С.В. Кузьминых и Е.Н. Черных, а также П.М. Кожин относят данные находки к постсейминскому хронологическому горизонту [10], отмечая их как морфологическое исключение,

сочетающее черты вильчатых экземпляров и, более поздних, с округлым или ромбическим стержнем пера [12].

О происхождении гребней сейминско-турбинских кельтов можно судить по совокупности признаков.

При сравнении с предыдущими, эта разновидность «ребра жесткости» представляется более изощренной и, в буквальном смысле, многогранной конструкцией. В ней соединены технологические новации двух предшествующих (?) способов упрочнения бронзового изделия. В этом смысле, «ребра жесткости» топоров-кельтов отличает сочетание принципа увеличения объема торцевых граней с идеей укрепляющего продольного стержня.

Но наряду с подобным пе-

реосмыслением знакомых приемов, вместе с новой разновидностью «ребер жесткости», появляются и ранее неизвестные многофункциональные решения. Выступающие продольные гребни кельтов не только повышали прочность конструкции, но и усиливали проникающую способность орудия, добавляя ему «режущие» свойства.

Синтез апробированных конструктивных принципов и оформление новых функционально-морфологических деталей изделия свидетельствуют о более совершенном и технологически производном характере этой категории сейминско-турбинских бронз.

Поэтому, как самое массовое и принципиально новое орудие, вобравшее главные технологические изобретения своей эпохи, топоры-кельты, нагляднее других изделий олицетворяют унифицированный апофеоз сейминско-турбинской металлургии.

Таким образом, двукомпонентная модель происхождения сейминско-турбинского феномена оставляет лакуны, не заполненные содержанием этой схемы.

Создается впечатление, что два технологических открытия, символизирующие сейминско-турбинскую металлообработку, были сделаны разными культурными группами, независимо друг от друга. Причем, только одно из них воплощено в изделиях елунинских металлургов.

Истоки тонкостенного литья сейминско-турбинских орудий и оружия со «слепой» втулкой пока невозможно ассоциировать с каким-либо культурным комплексом.

Аналогичный вывод напрашивается и в отношении виль-

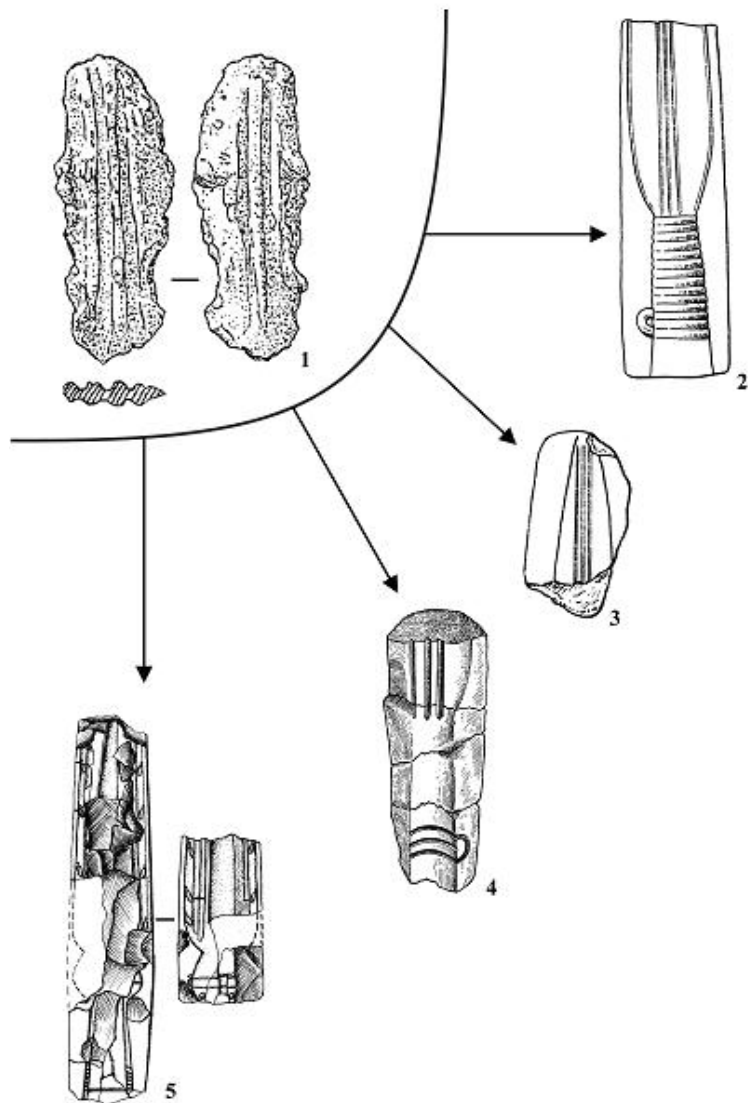

Таблица 4. Нож-кинжал с продольными и двутавровым «ребрами жесткости» и копьё с «псевдовильчатым» (трехреберчатым) стержнем (1-4), и валиками на плоскостях пера (5). 1 - Березовая Лука; 2-4 - Самусь IV; 5 - Крохалевка I (по Глушкову, Кириюшину, Кузьминых, Тишкину, Матюценко, Молодину, Черных)

чатых стержней, если абстрагироваться от возможности их спонтанного изобретения литейщиками Ростовки, Сеймы, Турбино и др.

Возможно, генерация и одна из последующих – «тупиковая» линия эволюции данного конструктивного элемента отображены изделиями с поселений Бе-

резовая Лука – Самусь IV – Крохалевка I (табл. 4, 1-5).

Но эта версия полилинейного развития сейминско-турбинских бронз, включая производные формы, нуждается в развернутой аргументации, систематизирующей примеры аналогичного характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: ФАН, 1991. 200 с.

2. *Генинг В.Ф., Зданович Г.В., Генинг В.В.* Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей: в 2-х ч. Ч. 1; Урал. отд-ние Рос. Акад. наук, Челяб. гос. ун-т. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с., 32 л. ил.
3. *Грушин С.П.* Наконечник стрелы сейминско-турбинского типа с Верхней Оби // *Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции.* Томск: изд-во Том. Ун-та, 2001. С. 29-32
4. *Кирюшин Ю.Ф.* Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // *Археологические исследования на Алтае: Межвузовский сборник научных статей.* Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. С. 100-125.
5. *Кирюшин Ю.Ф.* Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: АГУ, 2002. 294 с.
6. *Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А.* Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 333 с.
7. *Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А.* Памятники энеолита и бронзы юго-западного Алтая // *Алтай в эпоху камня и раннего металла: Межвузовский сборник научных статей.* Барнаул: изд. Алтайск. ун-та, 1985. С. 73-117.
8. *Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П.* Сведения о раскопках грунтового могильника эпохи ранней бронзы Телеутский Взвоз-1 // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 2000 г.).* Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. Т. VI. С. 297-302.
9. *Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.* Металлические предметы эпохи ранней бронзы и свидетельства их производства на поселение Березовая Лука // *Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Сборник научных трудов / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина.* Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. I. С. 81-90.
10. *Кожин П.М.* Сибирская фаланга эпохи бронзы // *Военное дело населения Юга Сибири и Дальнего Востока.* Новосибирск: Наука, 1993. С. 16-41.
11. *Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 280 с.
12. *Кузьминых С.В., Черных Е.Н.* Сейминско-турбинская и самусьская металлообработка: проблема соотношения // *Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Тезисы докладов и сообщений к научной конференции (23-25 марта 1988 г.).* Барнаул: изд-во ИИФиФ, АГУ, 1988. С. 71-74.
13. *Матющенко В.И.* К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. // *Советская археология.* 1959. №4. С. 154-165.
14. *Молодин В.И., Глушков И.Г.* Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 168 с.
15. *Студзицкая С.В., Кузьминых С.В.* Галический «клад»: (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // *Мировоззрение древнего населения Евразии.* М., 2001. С. 123-165.
16. *Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В.* Азиатская зона евразийской металлургической провинции // *Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири.* Томск., 1990. С. 34-37.
17. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // *Археология СССР: Эпоха бронзы лесостепной полосы СССР.* М.: Наука, 1987. С. 84-106.
18. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии. М: Наука, 1989. 320 с.

□ Автор статьи:

Ковтун
Игорь Вячеславович
- канд.истор.наук,
зав. лабораторией археологии
и этнографии
Института экологии человека
СО РАН